

«Съвършеная любви вънъ измещеть страхъ»: как боялись древнерусские князья-мученики?

Светлана А. Борисова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sa-borisova@yandex.ru*

Аннотация. Концепт страха – одно из устойчивых оснований, создающих образ мученика в агиографии. В статье анализируются способы изображения переживаний, которые испытывает святой, готовясь претерпеть мучения. Источниками исследования стали византийские мартирии, чьи переводы были известны в Древней Руси, и оригинальные древнерусские жития. В первой части статьи с точки зрения концепта страха рассматриваются повествования о греческих праведниках. Автор выделяет два типа изображения эмоционального состояния мучеников и определяет принципы, согласно которым создавался рассказ о бесстрашии или храбрости героев. Во второй части статьи анализируются древнерусские произведения. В них прослеживаются те же закономерности, что и в византийских мартириях. Однако в двух источниках из группы житий о князьях-мучениках («Сказание о Борисе и Глебе» и «Житие Михаила Ярославича Тверского») воплощение обозначенных принципов происходит особым образом. Ключевая роль в исследовании изображения переживаний героев отводится анализу библейских цитат, с помощью которых передается страх Бориса и Михаила. Полученные выводы позволяют уточнить наше понимание способов создания образа святого, представленных в византийских переводных житиях, и адаптацию агиографического канона в Древней Руси.

Ключевые слова: страх, концепт страха, агиография, агиографический канон, мартирии, мученики, история эмоций, Древняя Русь

Для цитирования: Борисова С.А. «Съвършеная любви вънъ измещеть страхъ»: как боялись древнерусские князья-мученики? // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 4. С. 50–64. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-4-50-64

“Perfect love casts out fear”.
How did Old Russian princes-martyrs fear?

Svetlana A. Borisova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
sa-borisova@yandex.ru*

Abstract. The concept of fear is one of the foundations upon which the image of a martyr is based in hagiography. The paper analyzes ways of representing the feelings of a saint who is about to suffer torment. The historical sources of the research are the Byzantine acts of the martyrs which translations were known in Ancient Russia, and original Old Russian lives. In the first part of the paper, stories about Greek righteous men are discussed from the point of view of the concept of fear. The author identifies two types of the representation of a martyr's emotional state and defines the principles which guided the creation of the stories about the fearlessness or the bravery of the characters. In the second part of the paper, Old Russian literature is analyzed. It is based on the same principles as the Byzantine acts of the martyrs. However, in two of the lives of princes-martyrs (“The tale of Boris and Gleb” and “The life of Mikhail Yaroslavich of Tver”), the aforementioned principles are realized in a special way. The study of the representation of the characters' feelings rests on the analysis of biblical quotes that are used to describe the fear of Boris and Mikhail. The findings help to clarify our understanding of the ways in which the image of a saint was created in translated Byzantine lives, and how the hagiographic canon was adapted in Ancient Russia.

Keywords: fear, concept of fear, hagiography, hagiographic canon, acts of the martyrs, martyrs, history of emotions, Ancient Russia

For citation: Borisova, S.A. (2021), “ ‘Perfect love casts out fear’. How did Old Russian princes-martyrs fear?”, *RSUH/RGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 50–64, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-4-50-64

По словам Б.И. Бермана, «могущество святости в житиях умиляет и ужасает, вызывает слезы и трепет, внушает благоговейный страх» [Берман 1982, с. 164]. Концепт страха¹ играет большую

¹В статье мы не касаемся понятия «страх Божий», потому что это страх совершенно особого рода, противоположный «неприятному чувству или состоянию, какое бывает, когда человек ощущает или считает, что он находится или может оказаться в опасной ситуации, над которой не имеет контроля» (Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 1109).

роль не только в реакции читателя жития, но и в конструировании образа святого.

В византийских мучениках, бытовавших в Древней Руси, праведник изображается бесстрашным перед грядущими испытаниями или преодолевающим свой страх. Конструирование образов древнерусских мучеников происходит аналогичным образом. В то же время в «Сказании о Борисе и Глебе» и «Житии Михаила Ярославича Тверского» мы обнаружили определенную специфику в описаниях страха князей-страстотерпцев². Этим особенностям и посвящена статья. Нас будут интересовать следующие вопросы: каким образом говорится о боязни древнерусских князей-мучеников? в чем их отличие от византийских образцов с точки зрения концепта страха?

Прежде всего нам следует рассмотреть модели изображения переживаний святых в византийских мучениях, поскольку принципы построения этих произведений влияли на древнерусскую агиографию. Мы обратились к 33 мученикам и обнаружили, что лексемы, связанные с концептом страха, встречаются в 17 из них³. На основании анализа этих текстов⁴ нами были выделены две мо-

²Мы используем термины «страстотерпец» и «мученик» как синонимичные, поскольку «страстотерпец – наименование христианских мучеников. В принципе это наименование может прилагаться ко всем мученикам, претерпевшим страдание» (см.: *Живов В.М.* Святость: Краткий словарь агиографических терминов. М.: Гнозис, 1994. С. 105). К тому же, судя по всему, в понимании людей того времени между указанными понятиями не было четкой разницы. См. подробнее на примере Бориса и Глеба [Успенский 2000, с. 12–13].

³Мученики подбирались на основании каталога О.В. Творогова (*Творогов О.В.* Переводные жития в русской книжности XI–XV веков: Каталог. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008) и обзорной статьи того же автора «Переводные жития святых в древнерусской книжности XI–XV вв.» [Творогов 2008].

⁴Мчѣніе блжѣныхъ мчѣнкѣ Вита и Модесте и Кръстаница, Мчѣніе и житіе стѣпа Февроніа, Мчѣніе стѣпа и славьныа и добропобѣдныа мчѣнца Ириніи, Стра и мчѣніе стѣго и прѣславнаго мчѣнка Еразма мчѣноу юмоу въ градѣ фирмиасѣ (Успенский сборник XII–XIII вв. М.: Наука, 1971); Аммония мниха повесть о убиенныхъ св. отцахъ в Синае и Раифе по рукописи XIV в. Библиотеки Московской духовной академии / Изд. И. Помяловский. СПб.: Тип. В. Балашева, [1890]; Георгиево мучение, Ипатиево мучение (*Тихоцаров Н.С.* Памятники отреченной русской литературы. СПб.: Унив. тип. [Катков и К^о], 1863. Т. 2); Мучение свв. 40 мучениковъ в Севастіи (Житія святыхъ по древнерусскимъ спискамъ / Трудъ А.И. Соболевскаго.

дели: праведник не боится (бесстрашный праведник) и праведник преодолевает свой страх (храбрый праведник)⁵.

Бесстрашный праведник. Неустрасимость святого проявляется в ситуациях его столкновения с мучителем (праведника захватывают в плен, помещают в темницу, принуждают поклониться языческим богам; после его отказа публично судят и казнят). Ради своей веры мученик готов перенести любые физические страдания. Его не пугают пытки и смерть.

О бесстрашии праведника в текстах сообщается двумя способами. В первом случае сам святой прямо заявляет мучителю, что не боится. Так, Еразм противостоит царю Максимилиану: «Не бою са моукъ твоихъ. аще и множайша твориши не боить са срѣце ми»⁶. Февронья говорит Селину: «Соудии не гърди са ни ласканиемъ оуспѣеши ничто же ни прѣта оустрашиши»⁷. Февруса заявляет мучителю: «Не убою же са оумрети, ни оубіенія страшюса»⁸. Самон

СПб.: [Б. и.], 1903); Сказания о 42 аморийских мучениках и церковная служба им / Изд. В. Васильевский и П. Никитин. СПб.: Тип. Акад. наук, 1905; Страсти святого мученика Лукиана // Из Пролога (Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 2); Мучение святыхъ исповѣдникъ Гуріа и Самоны (Великие Минеи Четьи. Ноябрь. Дни 13–15. СПб.: Синодальная тип., 1899); Мѣніе стѣа мнѣцы Варвары и Оуліаніи (Великие Минеи Четьи. Декабрь. Дни 1–5. М.: Синодальная тип., 1901); Мучение святого Кипріяна, Іустины дѣвы (Великие Минеи Четьи. Октябрь. Дни 1–3. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1870); Мѣніе стѣа Феврусы двѣа и сестры еа и рабына (Великие Минеи Четьи. Апрель. Дни 1–8. М.: Синодальная тип., 1910); Мучение святоу мученику Еуламппія і Еуламппіи (Великие Минеи Четьи. Октябрь. Дни 4–18. СПб.: Тип. и литография А. Траншеля, 1874); Мучение святыхъ мучениць Вѣры, и Надежы, Любве, и матере ихъ Софія (Великие Минеи Четьи. Сентябрь. Дни 14–24. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869); Мучение славныхъ мученица Христовы Парасковгіи (Великие Минеи Четьи. Октябрь 19–31. СПб.: Тип. Ф. Г. Елеонского и К^о, 1880).

⁵Бесстрашный человек не испытывает страха. Храбрый – ощущает страх, но не поддается этому чувству (Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. С. 1263).

⁶Мучение Еразма (Стра и мѣніе стѣо и прѣславнаго мѣнка Еразма мѣноу юмоу въ градѣ фирмиасѣ) // Успенский сборник XII–XIII вв. С. 219.

⁷Мучение и житие Февроньи (Мѣніе и житие стѣа Февронія) // Успенский сборник XII–XIII вв. С. 240.

⁸Мучение Феврусы и сестры ее (Мѣніе стѣа Феврусы двѣа и сестры еа и рабына) // Великие Минеи Четьи. Апрель. Дни 1–8. Стб. 129.

объясняет причину своего бесстрашия судье: «Не боимся множества мук твоих, ꙗже начнете намъ, но трепещемъ огняныя геены, ждущаа отвръгшихся Господа»⁹. А Гурий, претерпевающий мучения вместе с Самоном, добавляет: «... ꙗже речена Спасителемъ нашимъ: не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, а душа не могущихъ убити»¹⁰.

Второй вариант – о бесстрашии святого может быть сказано в ходе повествования. Например, игемон Валериан угрожал Виту «дивными муками», если тот не поклонится идолам. В ответ праведник отказался, «не трепеща ни боа са»¹¹. В «Аммония мниха повести объубиенныхъ св. отцахъ» мы видим сразу несколько неустрашимыхъ героев. Отец Павел во время захвата монастыря добровольно встал под вражеские стрелы, «ниже оустрашивса»¹². Старецъ Иеремия при виде нападающихъ варваровъ «ничтоже смутивса глеть к нимъ. что оустрашааете мене врази Х҃а моего»¹³. Завоеватели «оудивившежеса» поведению мученика, «ꙗко ни мала оубоѡвса»¹⁴.

Преодолевающий страх (храбрый) праведник. Когда святой находится в заточении или готовится испытать мучения, его поддерживает ангел или сам Христос, призывая не бояться. Так, Христос обращается в темнице к севастиийскимъ воинамъ: «Вѣруа в Ма. аще умрете. и паки оживете. дерзайте не боитеса мукъ»¹⁵. Варваре «в ту же нош^б ꙗвиса <...> Х҃ъ Бѣ, гла: не боиса, рабо Моа Варваро: Азь бо есмь с тобою присно»¹⁶. Параскеве «бысть гласъ с небесъ <...> глаголющъ: “дерзай, Парасковгѣи, мученице Моя!”»¹⁷. Ирине «божественная поддержка» приходит дважды: «Иви са ꙗси Спсѣ гла. не

⁹ Мучение святыхъ исповедниковъ Гурия и Самона (Мучение святыхъ исповѣдникъ Гурия и Самоны) // Великие Минеи Четьи. Ноябрь. Дни 13–15. Стб. 2031.

¹⁰ Там же. Стб. 2032.

¹¹ Мучение Вита, Модеста и Крестанция (Мѣние блжнхъ мѣнкъ Вита и Модесте и Крѣстаница) // Успенский сборникъ XII–XIII вв. С. 222.

¹² Аммония мниха повесть о убивенныхъ св. отцахъ в Синае и Раифе по рукописи XIV в. Библиотеки Московской духовной академии / Изд. И. Помяловский. С. 19.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Мучение свв. 40 мучениковъ в Севастии // Жития святыхъ по древнерусскимъ спискамъ / Труд А.И. Соболевского. С. 64.

¹⁶ Мучение Варвары и Юлиании (Мѣние стѣла мѣцы Варвары и Оуліаніи) // Великие Минеи Четьи. Декабрь. Дни 1–5. Стб. 103.

¹⁷ Мучение Параскевы (Мучение славныя мученица христовы Парасковгѣи) // Великие Минеи Четьи. Октябрь 19–31. Стб. 1979.

бои са дѣщи гла Азь бо ѳсмь съ тобою оутвърѣжати та зѣло. се же рекъ и оукрѣплъ ю Гь ѳтиде»¹⁸; «Не бои са дво Хва. не прикоснетъ бо са тебѣ пламень но моука люта»¹⁹, – говорит ей ангел.

В иных случаях праведника ободряют близкие ему люди. Настоятельница учит Февронию перед муками: «Блюди са не оубои са моукъ. и не помилоуи своего тѣла раздроушаема ѳт моукъ. и сию бо плъть и не хотащемъ по малѣ врѣмени гробѣ приимы акы прахъ раздроушить»²⁰. Воин Кюрион наставляет своих товарищей: «Брѣане не мозите. оубоатиса мѣтла. ѳакоже обретохомса на брани»²¹. Сестры Надежда и Любовь обращаются к Вере: «Не устрашися меча, но добрымъ путемъ иди»²².

Как можно заметить, в приведенных цитатах о боязни мученика не сообщается напрямую. Однако, на наш взгляд, призывы к преодолению страха свидетельствуют о том, что праведник испытывает это состояние, но побеждает его.

Существуют ли мученики, в которых о боязни святого перед мучениями и смертью говорится непосредственно? Нам встретилось лишь три таких произведения, и тем необычнее они выглядят на фоне остальных. Это «Георгиево мучение», «Мучение Евлампия и Евлампии» и «Мучение Киприана и Иустины».

Георгий испытывает страх при виде орудия будущих пыток: «Егда же прїиде стѣи. и видѣвъ коло оубоавса»²³. Боязнь звучит в речи праведника, обращенной к Богу: «Мчнк же трѣпа молашес гла. Гї помози ми ѳк оустрашаюса»²⁴. В ответ святой получает божественную поддержку: «Быс же глѣс къ нему Геургіе крѣписа ѳк А есмь с тобою», и чуть раньше «І быс глѣс ѳ нбсе гла, рабе мои Геургіе, не боиса вѣстани ѳ сна своего, мужаиса и крѣписа»²⁵. В итоге Георгий выдерживает все истязания и идет на казнь.

¹⁸ Мучение Ирины (Мѣниѣ стѣпа и славныа и добропобѣдныа мѣнца Иринии) // Успенский сборник XII–XIII вв. С. 152.

¹⁹ Там же. С. 157.

²⁰ Мучение и житие Февроньи (Мѣниѣ и житиѣ стѣпа Феврониа) // Успенский сборник XII–XIII вв. С. 238.

²¹ Мучение свв. 40 мучеников в Севастии // Жития святых по древнерусским спискам / Труд А.И. Соболевского. С. 62.

²² Мучение Веры, Надежды, Любви и матери их Софии (Мученіе святыхъ мученицъ Вѣры, и Надежы, Любве, и матерѣ ихъ Софія) // Великие Минеи Четыи. Сентябрь. Дни 14–24. Стб. 1237.

²³ Георгиево мучение // Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. С. 105.

²⁴ Там же. С. 106.

²⁵ Там же.

Евлампию пугают угрозы мучителя и предстоящие пытки: «Святаа же Еулампія слышавши глаголы сія от гѣмона, убогася, и вѣстенавши рече: брате мой Еулампіе! Како мя забы?»²⁶ Она просит Евлампию помолиться за нее: «Помолися, ꙗко боюся муки, да стерплю на сподобленіе»²⁷ и получает поддержку от брата: «Сестро моя Еулампія! всячьскы да не устрашитъ тебе непреподобный свій; ничтоже суть муки его»²⁸. После чего святая преодолевает свой страх: «Отринувшись аки добляа страсотерпця, сътворивши еже о Христъ знаменіе, ꙗже первое страховашеся и боаше, глагола: брате мой, молися за мя, – и въвержеса сама в конобъ»²⁹.

В «Мучении Киприана и Иустины» страх, который испытывает святая, объясняется воздействием дьявола, что вполне характерно для средневековой книжности: «Егда ся приближи ко огню, старый врагъ зміи вложи в ню страхъ»³⁰.

Таким образом, с одной стороны, видимо, довольно редко и нетипично, когда агиограф прямо заявляет о боязни мученика. С другой стороны, образ преодолевающего страх праведника оказывается ближе к Христу, чей путь святой стремился повторить. В Евангелии от Марка прямо говорится о страхе Иисуса. Перед казнью Спаситель удаляется в Гефсиманский сад, где «ужасается» и тоскует: «И поатъ Петра, і Иакова, и Іоанна с собою. и начать оужасатиса и тужити»³¹. Наличие такого сюжета в Библии показывает, что важное условие спасения истязаемого человека и обретения им святости – это не только (а может быть, и не столько) стойкий отказ принять чужую веру, но и победа над своим страхом перед пытками и смертью. Важно и то, что прямое указание на боязнь мученика встретилось нам лишь в единичных случаях. Следовательно, мы можем предположить: столь редкие непосредственные упоминания о страхе праведника перед истязаниями могут быть частью литературной традиции изображения мученика. Это наблюдение вносит дополнительный штрих в понимание агиографического канона, которому следовали в Византии и Древней Руси.

²⁶ Мучение Евлампия и Евлампии (Мученіе святоу мученику Еулампія і Еулампіи) // Великие Минеи Четьи. Октябрь. Дни 4–18. Стб. 914.

²⁷ Там же. Стб. 913.

²⁸ Там же. Стб. 915.

²⁹ Там же.

³⁰ Мучение Киприана и Иустины (Мученіе святаго Кипріана, Іустины дѣвы) // Великие Минеи Четьи. Октябрь. Дни 1–3. Стб. 54.

³¹ Острожская Библия. Острог, 1581. Л. 25 (Мк 14: 33–36).

При обращении к древнерусскому материалу наше внимание привлекли два произведения – «Сказание о Борисе и Глебе» и «Житие Михаила Ярославича Тверского»³². В них модель храброго праведника воплощается необычным образом и способы описания переживаний мучеников отличаются от представленных византийскими мартириями³³.

³² Мы рассмотрели и другие сообщения о князьях-страстотерпцах: летописные рассказы об убиении Игоря Ольговича, Василько Константиновича, «Повесть об убиении Андрея Боголюбского», «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора». Также, помимо «Сказания о Борисе и Глебе», мы обращались к другим произведениям Борисо-Глебовского цикла: летописной повести и «Чтению о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба». Но в названных памятниках не содержится упоминаний о страхе или бесстрашии героев. Косвенно можно говорить лишь о неустрашимости Андрея Боголюбского: «Князь же Андрѣи, вражное убиство слышавъ напередъ до себе, духомъ разгореся божественнымъ (здесь и далее курсив мой. – С. Б.), и ни во что же вмѣни, глаголя: “Господа Бога моего Вседержителя и Творьца своего возлюблени людьє на крестѣ пригвоздиша, глаголяще: ‘кровь его буди на насъ и на чадѣхъ нашихъ’...”» (Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. С. 208, 210). Ср.: Мученик Адам «възгорѣвса дѣмь, и всакъ страхъ и ужасъ ѿ себе ѿрину», сразился с захватчиками монастыря (Аммония мниха повесть о убиенных св. отцах в Синае и Раифе по рукописи XIV в. Библиотеки Московской духовной академии / Изд. И. Помяловский. С. 21). Интересно, что на храбрость Андрея Боголюбского летописец указывает также, рассказывая о молодости князя: «зане мужьскы створи паче всѣхъ бывшихъ ту». Это может быть связано со значением имени Андрей, которое проясняется в похвальном слове: «кнаже Андрѣю мужьству тѣзоимените» [Литвина, Успенский 2006, с. 439].

³³ Мы обнаружили упоминания о бесстрашии и храбрости святых, переданные сходным византийским мартириям образом, в «Житии Леонтия Ростовского», «Повести о водворении христианства в Ростове» (здесь мучений не происходит, но разворачивается княжеский суд, напоминающий суды мартириев), рассказах «Волоколамского патерика» и наиболее подробно – в «Житии Стефана Пермского». В последнем источнике о неустрашимости Стефана сообщается в том числе с помощью библейских цитат. Но в отличие от «Сказания о Борисе и Глебе» и «Жития Михаила Ярославича Тверского» речь не идет о переживаниях святого. Он тверд в своем бесстрашии. Исключительный случай – «Житие Адриана Пошехонского», в котором святой умирает от рук захватчиков, так и не преодолев свой страх. При этом слова из лексико-семантического

Исследователи неоднократно подчеркивали особенную эмоциональность «Сказания о Борисе и Глебе»³⁴. Упоминания о страхе играют важную роль в описании состояния Бориса. При этом прямые указания на его боязнь встречаются редко. Так, в тексте говорится о трепете Бориса: «и яко услыша шпѣтъ зль окръсть шатьра и тръптьнь бивѣ»³⁵. На страх мученика может указывать и такая характеристика: раненный убийцами князь «искочи и-шатьра въ оторопѣ»³⁶. В Словаре русского языка XI–XVII вв. «оторопѣ» в анализируемом фрагменте трактуется как «страх, замешательство, испуг»³⁷. Однако в других словарях приводятся иные определения этого понятия для того же самого отрывка из «Сказания...»: «торопливость, спех»³⁸; «растерянность, смятение»³⁹. Таким образом, «оторопѣ» – многозначное, не вполне ясное слово, и мы не можем со всей уверенностью использовать его в нашей аргументации⁴⁰.

Особое значение в построении рассказа о переживаниях Бориса имеют библейские цитаты, содержащиеся в его монологах.

поля страха в этом мучении отсутствуют, но поведение Адриана показывает, что он боится. Исследователи не раз отмечали необычность «Жития...». Возможно, она связана с довольно поздним временем создания этого произведения (XVI в.).

³⁴ Наиболее подробно переживания Бориса, с акцентом на его страх, охарактеризовал И.П. Еремин [Еремин 1966, с. 20].

³⁵ Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 336. Трепет и дрожь являются признаками страха. Синонимы глагола «бояться» – трепетать, дрожать, трястись (Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. С. 60–61).

³⁶ Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси. С. 336.

³⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1987. Вып. 13: (Опась – Отработываться). С. 292.

³⁸ *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1902. Т. 2. Стб. 759.

³⁹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Азбуковник, 2000. Т. 6: (овадь – покласти). С. 206.

⁴⁰ В «Повести об убиении Андрея Боголюбского» мы также встречаем слово «оторопѣ» и сходную ситуацию: «Си же нечестивии, мнѣвша его (Андрея. – С. Б.) убиена до конца, и возьмше друга своего и несоша вонь, трепещущи отидоша. Онъ же в оторопѣ выскочивъ по нихъ, и начать ригати и глаголати, и въ болѣзни сердца иде подь сѣни» (Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Библиотека литературы Древней Руси. С. 210, 212). В данном случае речь явно идет не о страхе князя. Боятся, трепещут лишь его убийцы.

Нам важна цитата из Первого Соборного послания апостола Иоанна: «Страха нѣсть въ любви, но съвършена любви вѣнь изгонаеть страхъ»⁴¹ (1 Ин 4:18), сообщающая о преодолении чувства боязни с помощью божественной любви. Ею князь завершает свои размышления о смерти отца и опасности, исходящей от Святополка: «Азь бо не противлюся, зане пишеться: “Господь гърдыимъ противитъся, сѣмѣренымъ же даеть благодать”⁴². Апостоль же: “Иже рече – Бога люблю, а брата своего ненавидить – лъжь есть”⁴³. И паки: “Боязни въ любви нѣсть, съвършеная любви вѣнь измещеть страхъ”⁴⁴ (здесь и далее курсив мой. – С. Б.). Тѣмъже что реку или чѣто сътворю? Се да иду къ брату моему и реку: “Ты ми буди отць – ты ми братъ и старѣи”. Чѣто ми велиши, господи мой?»⁴⁵ Второй раз Борис обращается к посланию Иоанна, слыша шепот убийц около своего шатра: «Слава ти, Господи, о вѣсемь, яко съподобилъ мя еси зависти ради прияти сию горькую сѣмьртъ и все прстрадати любѣве ради словесе твоего <...> “Любы вѣсе тѣрпить, всему вѣру емлетъ и не ищеть своихъ си”⁴⁶. И паки: “Боязни въ любви нѣсть – съвършеная бо любви вѣнь отѣмещеть боязнь”⁴⁷»⁴⁸. Произнеся эти слова, князь идет на гибель.

Таким образом, автор «Сказания...» не пишет прямо о страхе Бориса перед гибелью, но цитата показывает, что мученик преодолевает свою «боязнь» с помощью совершенной божественной любви. И происходит это не путем вмешательства божественных сил, явления Христа или ангела, как в византийских мартириях. На помощь Борису приходят слова из Библии. Он побеждает страх благодаря своей вере и любви к Богу.

Исследователи обращали внимание на роль, которую играет стих 18 главы 4 Первого послания Иоанна в преодолении страха Борисом. Как считает Г. Подскальски, смерть князя «промыслительно включается в контекст воскресной заутрени – страх окончательно уступает любви» [Подскальски 1996, с. 191]. А.А. Шайкин подчеркивает, что «автор Сказания вольно или невольно передает колебания, смены состояний своего героя. Цитируя Священное

⁴¹ Острожская Библия. Л. 23об. (1 Ин 4:18).

⁴² Иак. 4:6.

⁴³ 1 Ин. 4:20.

⁴⁴ 1 Ин. 4:18.

⁴⁵ Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси. С. 330.

⁴⁶ 1 Кор. 13:4.

⁴⁷ 1 Ин. 4:18.

⁴⁸ Сказание о Борисе и Глебе. С. 336.

Писание, Борис снова смог укрепиться и прогнать страх, “боязнь”» [Shaikin 2018, с. 51].

В «Сказании...» приводится только первая часть анализируемой цитаты из Первого послания Иоанна. Ее окончание выглядит так: «Страха нѣсть въ любви, но съвършена любви, вонь изгоняетъ страхъ, *яко страхъ муку имать. Боли же са не съвършается въ любви*»⁴⁹. Нам представляется, что полная форма стиха 18 главы 4⁵⁰ раскрывает яснее понятие страха, о котором говорит Борис. Страх оказывается тождественен мучению, и оно заключает в себе не только внешний конфликт страстотерпца и его палачей, но и внутреннюю борьбу Бориса со своей боязнью.

Описание Глеба еще меньше приближено к схеме византийских мучеников. Юный князь не хочет расставаться с жизнью и в слезах, жалостно умоляет убийц пощадить его: «Вы ми будѣте господие мои, а азъ вамъ рабъ», «Се нѣсть убийство, нъ сырорѣзание»⁵¹. При этом, если следовать выделенным ранее признакам, мы не имеем в тексте прямых указаний на то, что Глеб боится. Более того, когда убийцы оказываются в ладье князя, «абие вьсѣмъ весла отъ руку испадоша, и вьси отъ страха омьртвѣша. Си видѣвъ блаженный, разумѣвъ яко хотять его убити, възрѣвъ къ нимъ умиленама очима»⁵². Таким образом, кажется, что страстотерпец, наоборот, противопоставляется застывшему от страха окружению. В отличие от Бориса, Глеб не вспоминает слова из Священного Писания, но заканчивает предсмертные молитвы покорным согласием со своей участью: «Вижь, Господи, и суди: се бо готова есть душа моя предъ тобою, Господи! И тебе славу вьсылаемъ, Отьцю и Сыну и Святууму Духу, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ»⁵³. Вероятно, смирение Глеба и заключает в себе преодоление страха. Как считает Ф. Сциакка (Franklin A. Sciacca), вся сцена с юным князем отсылает читателя «Сказания...» к описанию душевных колебаний Христа в Гефсиманском саду [Sciacca 1990, с. 257].

⁴⁹ Острожская Библия. Л. 23об. (1 Ин 4:18).

⁵⁰ На то, что стих 18 был известен древнерусским читателям именно в такой, полной форме, указывает его цитирование в «Повести временных лет» (Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Стб. 203).

⁵¹ Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси. С. 340, 342.

⁵² Там же. С. 340.

⁵³ Там же. С. 342.

Второе необычное с точки зрения темы страха произведение – «Житие Михаила Ярославича Тверского». Князь добровольно едет в Орду, чтобы предстать перед судом хана, хотя знает, что обречен на гибель. Когда Михаила заковывают в колодки, он благодарит Бога «с радостью и со слезами» за мучение и просит его о бесстрашии: «Сподоби мя прїяти и кончати подвигъ свой, да не прельстят мене словеса лукавых, *да не устрашат мя прещения нечестивых*»⁵⁴. Князь поет Псалтирь и цитатами из псалмов выражает свое состояние: «Но вскую, Боже, прискорбна еси, душе моя, вскую смущаеши мя; уповай на Бога моего, яко исповѣмся ему»⁵⁵. Глагол «смущати» означает «волновать; вызывать недоумение, сумятицу в мыслях; смущать», «приводить в смятение»⁵⁶. В возвратной форме он близок действию «бояться» и его синонимам⁵⁷.

Предчувствуя скорую расправу, Михаил читает псалом: «Сердце мое смутися въ мнѣ, и страхъ смерти нападе на мя»⁵⁸. Далее он просит, чтобы священники продолжили чтение, но они, не желая «смущати ему», обращаются сразу к последним стихам: «Се, господине, знакоми то, молвит в послѣди главизне: възверзи на Господа печаль твою, и той тя препитаеть, не дасть бо в вѣки смятения, праведнику»⁵⁹. В итоге князь сам дочитывает стихи, которые начал: «Кто дасть ми крилѣ, яко голуби, полещу и почию. Се удалихся бѣгая и въдворихся в пустыни, чаяхъ Бога, спасающаго мя»⁶⁰. Сравним текст псалма и «Жития...»:

Житие Михаила Ярославича

Пс 54: 5–9

Сердце мое смутися въ мнѣ, и страхъ смерти нападе на мя. <...>

(54: 5) срѣце мое смутиса въ мнѣ, и стра^x смерти нападе на ма.

(54: 6) боязнъ и трепеть прїиде на ма, и покры ма тма.

⁵⁴ Житие Михаила Ярославича Тверского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 6. С. 80.

⁵⁵ Житие Михаила Ярославича Тверского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. С. 82. Ср.: «вскую прискорбна еси дше моа, и вскую смущаеши ма, оуповай на Ба, яко исповѣдамса ему» (Острожская Библия. Л. 8об. (Пс 41: 6)).

⁵⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 2000. Вып. 25: (Скорыня – Снульй). С. 222.

⁵⁷ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2003. С. 60.

⁵⁸ Житие Михаила Ярославича Тверского. С. 84 (Пс 54: 5).

⁵⁹ Там же (Пс 54: 23).

⁶⁰ Там же (Пс 54: 7–9).

Кто дасть ми крилъ, яко голуби, (54: 7–9) и рѣхъ, кто дасть ми крилъ, яко
 полещу и почюю. Се удалихся бѣ- голуби, и полещу, и почюю. Се оудалихса
 гая и въдворихся в пустыни, чаяхъ бѣгаа, и въдвори^хса в пустыни. чаа^х Ба
 Бога, спасающаго мя спасающаго ма, ѿ малодшїа, и буря⁶¹.

Как и в «Сказании...», о переживаниях Михаила говорится библейскими цитатами. Его состояние характеризуется стихами из Псалтири, и мы понимаем, что мученик испытывает страх смерти. Пропущенный в «Житии...» шестой стих дает понять, до какой степени князю страшно, – словно тьма, его охватывают страх и трепет. От священников он получает поддержку в виде божественного слова. Оно должно помочь Михаилу избавиться от страха: «Възверзи на Господа печаль твою, и той тя препитаеъ, не дасть бо в вѣки смятения, праведнику»⁶². Однако в мученике продолжается внутренняя борьба – он сравнивает себя с голубем, который имеет возможность укрыться в пустыне от невзгод. И все же, вслед за Г.Г. Донским, мы согласимся, что «подвиг князя, очевидно, заключается не в отстранении от страшных мыслей или сосредоточении грядущей встречи с Богом, а в преодолении страха смерти»⁶³.

Таким образом, по сравнению с большинством проанализированных византийских мартириев в «Сказании...» и «Житии...» переживания мученика показаны более детально и подробно. При этом о боязни святого не говорится напрямую (исключение – трепет Бориса): для изображения страха героев в большинстве случаев древнерусские книжники используют библейские цитаты. И если в греческих житиях мученик преодолевает страх, получая поддержку непосредственно от Бога или близких людей, то в «Сказании...» и «Житии...» святому помогает слово Божье. Таким образом агиографы изящно обыгрывали византийский канон.

Литература

- Берман 1982 – *Берман Б.И.* Читатель жития: (Агиографический канон русского Средневековья и традиция его восприятия) // *Художественный язык средневековья* / Отв. ред. В.А. Карпушин. М.: Наука, 1982. С. 159–183.
- Еремин 1966 – *Еремин И.П.* Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л.: Наука, 1966. 262 с.

⁶¹ Острожская Библия. Л. 10об. (Пс 54: 5–9).

⁶² Житие Михаила Ярославича Тверского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. С. 84 (Пс 54: 23).

⁶³ *Донской Г.Г.* Переход в «иной мир» в духовной культуре средневековой Руси (XIV–XVI вв.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 174.

- Литвина, Успенский 2006 – *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в XI–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. 904 с.
- Подскальский 1996 – *Подскальский Г.* Христианство и богословская литература Киевской Руси (988–1237 гг.) / Пер. А.В. Назаренко; под ред. К.К. Аментьева. СПб.: Византинороссика, 1996. XX, 572 с.
- Творогов 2008 – *Творогов О.В.* Переводные жития святых в древнерусской книжности XI–XV вв. // Труды Отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2008. Т. 59. С. 115–132.
- Успенский 2000 – *Успенский Б.А.* Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М.: Языки русской культуры, 2000. 128 с.
- Sciacca 1990 – *Sciacca Franklin A.* In imitation of Christ: Boris and Gleb and the ritual consecration of the Russian land // *Slavic Review*. 1990. Vol. 49, no. 2. P. 253–260.
- Shaikin 2018 – *Shaikin A.* «Паче радуяся отхожу свѣта сего!»: смерть святого и смерть злодея в древнерусских текстах XI–XII веков // *Slavica Wratislaviensia*. Wrocław, 2018. No. 167. С. 47–62.

References

- Berman, B.I. (1982), “The reader of lives (Hagiographic canon of the Russian Middle Ages and the tradition of its perception)”, in Karpushin, V.A. (ed.), *Khudozhestvennyi yazyk Srednevekov'ya* [Artistic language of the Middle Ages], Nauka, Moscow, Russia, pp. 159–183.
- Eremin, I.P. (1966), *Literatura Drevnei Rusi* (Ehtyudy i kharakteristiki) [Literature of Medieval Russia (Essays and characteristics)], Nauka, Moscow, Leningrad, Russia.
- Litvina, A.F. and Uspenskii, F.B. (2006), *Vybor imeni u russkikh knyazei v X–XVI vv. Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki* [The choice of a name for Russian princes in the 10th – 16th centuries. Dynastic history through the prism of anthroponymy], Indrik, Moscow, Russia.
- Podskal'ski, G. (1996), *Khristianstvo i bogoslovskaya literatura Kievskoi Rusi* (988–1237 gg.) [Christianity and theological literature of Kievan Rus (988–1237)], in Ament'ev, K.K. (ed.), *Vizantinorossika*, St. Petersburg, Russia.
- Sciacca, F.A. (1990), “In imitation of Christ: Boris and Gleb and the ritual consecration of the Russian land”, *Slavic Review*, vol. 49, no. 2, pp. 253–260.
- Shaikin, A. (2018), “‘Now I rejoice o depart from this world!’: The saint’s death and the villain’s death in the Old Russian texts of the 11th to 12th centuries”, *Slavica Wratislaviensia*, Wrocław, no. 167, pp. 47–62.
- Tvorogov, O.V. (2008), “Translated lives of saints in Old Russian literature of the 11th – 15th centuries”, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, vol. 59, pp. 115–132.
- Uspenskii, B.A. (2000), *Boris i Gleb: Vospriyatie istorii v Drevnei Rusi* [Boris and Gleb: Perception of history in Medieval Russia], *Yazyki russkoi kul'tury*, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Светлана А. Борисова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sa-borisowa@yandex.ru

Information about the author

Svetlana A. Borisova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; sa-borisowa@yandex.ru